

OB 84P6-5
M64

Гармония

Татьяна Александровна
МИРЧУК ДВ84Р6-5

М 64

ГАРМОНИЯ

СТИХИ

г. Комсомольск н/А
ЦГБ им. Н. Островского
КНИГОХРАНИЕНИЕ

Комсомольск-на-Амуре
ЦГБ им. Н. Островского
Хабаровский край

Комсомольск-на-Амуре
2001 год

№
и
100029
*

р

Библиотеке
им. Г. Давыдова
с уланского
любского
Гу Муз

14.03.2002

ИХ | Комсомольская н/А
ЦГБ им. Н.Острого

От автора.

***Я пред вами, словно на ладони.
И душа моя раскрыта настежь.
Рада буду, если вдруг затронет,
Чье-то сердце слог мой неизящный.
Я пишу, когда душа запросит,
Не для славы и не денег ради.
Ну, а если кто-то камень бросит -
Лишь бы он летел не в спину, сзади.***

Я собираю коллекцию
Взглядов твоих и слов.
Словно хожу на лекцию
С кратким названьем "Любовь".
А в голове сумятица,
Будто в шестнадцать лет.
Сердце, как в пропасть катится,
И я кричу ему: Нет!
Поздно любить мне, поздно...
Меркнет и гаснет свет.
Жизнь, словно скорый поезд,
И остановки нет.
В вечном живу напряжении,
В жарком горю огне,
Актом самосожжения
В черном, ночном, огне.
Боже! Зачем мне это:
Ночи почти без сна.
Снова я жду рассвета
В комнате у окна.
Утро погасит звезды.
Вспыхнет в окошках свет.
Мне возвращаться поздно,
Да и дороги нет.

СЕКРЕТ

О, боже мой, какая жалость,
Что мой секрет, уже не мой.
Я, кажется, перестаралась,
Стараясь справиться с собой.
Я так боролась и боялась,
Чтоб не узнал о нем никто.
Так равнодушьем прикрывалась,
Чтоб всем все ясно, что про что.
Самой себе не доверяя,
Растила нежные ростки,
То, обретая, то теряя,

Как у ромашки лепестки.
С тобой лишь взглядом я встречалась,
Февраль гудит, а мне - весна.
И вот, как будто оборвалась,
Внутри гитарная струна.
Душе тоскливо и тревожно:
Секрет украден, он не мой.
Я так была неосторожна,
Какая жалость, боже мой

Я знаю тебя так давно,
Что даже не помню начала.
Крещение, морозы, темно,
Свеча на окошке качалась.
И в зеркале твой силуэт,
Твой профиль, очерченный кругом,
Высвечивал слабенький свет.
Лицо твое, волосы, губы.
Чернявый мальчишечка мой,
Чуть грустный, в рубашечке белой.
Я помню тебя, мой родной,
А может придумать успела.

Скажи мне что-нибудь хорошее,
Прижми к щеке моей ладонь.
И не рассказывай про прошлое,
Оно ушло, его не тронь.
Твоя печаль - мне сердце надвое.
Такая боль, что сущий ад!
Не вороши, прошу, не надо мне
Про это знать.
Что жизнь? Она - одно мгновение,
А дальше - крест.
Любовь пришла - есть вдохновение.
Ушла - и нет.

Шуршат часы её песочные -
Не уследишь.
И вслед за ней по капле точится-
Уходит жизнь.
Любовь моя - моё ристалище
И вечный рок.
Мое последнее пристанище
И мой порог.
С тобою я беспечно юная,
Как никогда.
Ушел, и словно ветром дунуло,
В душе беда.
Не покидай меня так надолго,
Мне день, как век.
Ты нужен мне, как дождь, как радуга,
Как этот снег.

Я с тобой такая робкая,
Что такой и не была.
На краю у бездны, тропкою,
Жизнь моя теперь пошла.
Говорю не то, что надо - бы,
Замолкаю невпопад.
И уйти обратно рада - бы,
Только нет пути назад.
Я жила, как по течению,
Без особенных затей,
По чьему же мановению,
Полыхнул огонь страстей?
И откуда столько нежности,
И зачем такая боль?
Как вернуться к жизни прежней мне,
Как вернуть душе покой?
Я в судьбе твоей не главная,
Так, навроде запятой.
Впрочем, может слишком рано я,
Завела за упокой?

Как опоенная сонником,
Я ж такую не была.
Заведу себе любовника
И заброшу все дела.
Все тома свои любовные,
Словно горсточку золы,
Ночи горькие бессонные
Брошу в пропасть со скалы.

Мне мало просто жить,
Спокойно, безмятежно.
Хочу про все забыть,
С моей любовью грешной,
Как в юности давно,
Ошибки совершая,
Пить крепкое вино,
Дела не завершая.
И чувствовать себя
На облаках от счастья,
До одури любя
И не делясь на части.
Чтоб только мне одной,
Принадлежал навек,
Мой славный, мой родной,
Мой главный человек.

Не сожалеть о том, что было
И не загадывать вперед,
А чтобы сердце не остыло,
Всему оставить свой черед.
Уметь ценить минуты счастья,
И, боль в себе не затая,
За невозможное не братьяся,
Суметь бы как-нибудь, друзья.

РАЗДУМЬЕ.

На счастье или на беду
Пересеклись дороги наши.
Вы позовете - я приду
И навсегда останусь Вашей.
Окончен счет минувших лет.
Войне конец, и нет возврата:
Вы для меня и тень и свет,
Вы и находка и утрата.
Мне горек мед без Ваших губ,
А соль сладка с ладоней Ваших.
Мне с Вами миг единый люб,
И никого не надо краше.
Вы мой покой и маета,
Моя бессонница ночная.
Без Вас на сердце пустота,
И жизни я без Вас не чаю.
Мне хочется Ваш каждый взгляд.
Сравнить с сокровищами света:
Он мне бесценней во сто крат
И для меня дороже нету.
Скажите так, чтоб я могла
Поверить Вам без промедленья.
И то, что в сердце берегла,
Я Вам отдам без сожаленья.
Уходит жизнь водой в песок,
А к счастью так трудна дорога.
И бьется пулею в висок
Моя надежда и тревога.
И, руку к сердцу приложив,
Признаюсь Вам неосторожно,
Что жить, запутавшись во лжи,
Невыносимо и безбожно.

К СУДЬБЕ.

Я голову гордую вскину,
Опять засмеюсь, не заплачу.
И грусти обитель покину
И вновь, оседлаю удачу.
Я - женщина. Это серьезно.
Шутить не позволю с собою.
Чуть брови нахмурю не грозно
И спорить не стану с судьбою.
Все будет, как я пожелаю.
В глаза ей взгляну, глаз не пряча.
Удачу свою оседлаю,
Пришпорю ее, словно клячу.
Попробуй со мной потягайся.
Коль я захочу - не догонишь,
А лучше скорей припрягайся,
А то ты меня проворонишь.
Я жизнью своей не бросаюсь,
Она мне еще пригодится.
И в том, что случилось, не каюсь
И рада тому, что случится.

ДЕТСТВО.

По скошенной ниве, по пыльной дороге,
Торопится детство моё босоногое.
Катается в лодке по тихой реке,
Букет незабудок сжимая в руке.
Одно-одинешенько лесом бредет, -
Измазав черникой и щеки и рот.
Со смехом по лужам несется в грозу
И дразнит соседскую злую козу,
С мальчишкой сшибается на кулачки,
В пристенок играет на пяточки.
Взлетает до самого неба в качелях,
А вечером еле дойдет до постели,
Мгновенно уснет, прикоснется едва
К подушке, бедовая та голова.
И звезды мерцают и ночи тихи,
А детство во сне сочиняет стихи.

АПРЕЛЬ.

Из всех весенних месяцев,
Апрель, ты самый звонкий.
Бегут по всей окрестности
Ручьи наперегонки.
Пусть мутна, пусть грязна
Вода в тех ручейках,
В журчании их слышна весна,
И песнь ее звонка.
Я не смотрю на эту муть,
И слушаю ручей.
И тем быстрее уходит грусть,
Чем песнь его звончей.

ДЕВЧОНКА.

Бежит девчонка по лугу,
И счастлива девчонка.
Быстра девчонка на ногу,
Лишь парусом юбочка.
Ей солнце светит с высоты,
И ветер напевает,
И даже грустные кусты
Ей головой кивают.
Вокруг порхают мотыльки,
Свистят с кустов синицы.
Девчонка тянет две руки,
Кричит: «Привет вам, птицы!»
На ней цветастый сарафан,
В цыпках босые ноги,
Густая синяя трава-
Не пыльная дорога.
Бросает солнце с высоты
В лицо ей горсть веснушек.
Бежит девчонка сквозь цветы,
Забыв про всех подружек.

Белым озером
Болото разлилось.
Бело-розовый
Закат над ним стоит.
На опушку за болотом
Вышел лось,
Красный месяц
На рогах его горит.
Там, за лесом,
Прокурлыкал журавель.
Он на лето
Прилетел сюда весной,
Из-за теплых, южных,
Ласковых морей
Повидаться с милой
Сердцу стороной.

БАБОЧКА.

На дворе теплым-тепло.
Бьется бабочка в стекло.
Манит улица теплом,
Свежим майским ветерком.
Куст черемухи дрожит,
В небе облачко кружит.
Как ей хочется опять
С ним по небу полетать.
В руки я ее беру
И тихонько говорю:
-Ты не бойся - я не съем,
Отпущу тебя совсем.
И несую её во двор,
Отпускаю на простор.
Сразу ввысь она взвилась,
Вслед я ей кричу, смеясь:

-На дворе сейчас тепло,
Так не суйся за стекло.
На дворе теплым-тепло,
На душе моей светло.

Как зноем опалило душу,
Она дрожит, едва жива.
Любовь спасает, но и сушит
И ядом жгут ее слова.
И многодневная усталость,
Сомнений груз, упреков боль
Мне навсегда в обмен достались
За опаленную любовь.
А мне нужна такая малость,
ведь жизнь безмерно коротка,
Чтоб до последних дней осталась
В твоей руке моя рука.

ТЫ ПРЕДАЕШЬ МЕНЯ.

Ты предаешь меня
Всечасно, ежедневно.
Любовь, тоской звеня,
Уходит постепенно.
И замок этот наш,
Построенный навечно,
Исчезнет, как мираж,
В сомненьях бесконечных,
Когда любовь сильна,
Она не размышляет.
Она, как жизнь нужна
И выгоды не знает.
Мы избраны из всех
И за нее в ответе.
Но, словно тяжкий грех,
Стоит меж нами третий.
И будет так всегда.
Я устаю от боли.
Во мне живет беда
И борется с любовью.
И вот, в какой-то час,
Днем раньше или позже,
Любовь оставит нас
И не вернете больше.

СПАСИБО, МОЙ МИЛЫЙ,
Я ЖЕНЩИНОЙ СТАЛА С ТОБОЙ.
ИЗ ЖИЗНИ ПОСТЫЛОЙ
ИДУ ЗА СВОЕЮ СУДЬБОЙ.
Я СНОВА РОДИЛАСЬ
И В МУКАХ ЖИВУ, И РАСТУ,
И С НОВОЮ силой
СТАРАЮСЬ ПОСТИЧЬ КРАСОТУ.
МНЕ ШКОЛОЮ БЫЛО
РОДИТЕЛЕЙ НАШИХ ЖИТЬЕ,
БЕЗГЛАЗОСТЬ, БЕСКРЫЛОСТЬ-
ВОТ ЭТО НАСЛЕДСТВО МОЁ.
А ТЫ ПОЯВИЛСЯ-
И Я НА УЧИЛА СЬ ЛЕТА ТЬ.
ТЫ ЧАСТО МНЕ СНИЛСЯ,
НО Я НЕ РЕШАЛАСЬ МЕЧТАТЬ.
Я ЖЕНЩИНОЙ СТАЛА.
А КЕМ ДО ТЕБЯ Я БЫЛА?
Я ДАЖЕ НЕ ЗНАЛА,
ЧТО БЫТЬ Я СЧАСТЛИВОЙ МОГЛА.
КАК С ЯСНОГО НЕБА,
ОБВАЛОМ СВАЛИЛАСЬ ГРОЗА,
ЧТО ХОЧЕШЬ, ПОТРЕБУЙ,
ОТДАМ Я ЗА ЭТИ ГЛАЗА.
ДЫШУ, КАК ОЗОНОМ,
И ВСЕ МНЕ ТЕПЕРЬ ПО ПЛЕЧУ,
ПОПРАВ ВСЕ ЗАКОНЫ,
Я ПТИЦЕЙ СВОБОДНОЙ ЛЕЧУ.
СТИХИ ЛИ СЛАГАЮ,
ГДЕ, ЛУЧШИЕ ВЫБРАВ СЛОВА,
ИХ ВСЕ ВОЗЛАГАЮ
К НОГАМ МОЕГО БОЖЕСТВА.
ВСЕ ЗАМКИ РАЗРУШУ,
РУКОЙ РАЗГОНЮ ОБЛАКА
И ВЕЧНУЮ ДУШУ
ТЕБЕ ОТДАЮ НА ВЕКА.
СПАСУ ОТ НЕНАСТЬЯ,
У БЕЗДНЫ СОМКНУ БЕРЕГА.
БЫТЬ МОЖЕТ ЗА СЧАСТЬЕ
РАСПЛАТА НЕ ТАК ВЕЛИКА?

Мы плывем с тобой по течению,
А куда приплывем - Бог ведает.
И не видно конца мучениям
Для того, кто за нами следует.
Раскачали мы лодку ветхую,
А река течёт, убыстряя ход,
И держу в руках только ветку я,
А весло от нас по воде плывет.
Не достать его, не дотянешься,
Вдаль относит его течением.
А с одним веслом не справишься,
Не прогулка нам, а мучение.
Нам бы плыть по реке, не думая,
Не гадая о том, что сбудется.
Любоваться бы ночью лунною,
Да не знать о том, что забудется.
Вот плывет наша лодка ветхая,
Вся в пробоинах, вся залатана,
И держу в руках только ветку я,
И не знаю пути обратного.

ВОЛОГОДЧИНА, МОЯ, ВОЛОГОДЧИНА,
Я ДУШОЙ К ТЕБЕ НАВЕК ПРИТОРОЧЕНА.
ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА ВДАЛЕКЕ УЖ СКИТАЮСЬ Я,
НО ВЕСНОЙ ОПЯТЬ К ТЕБЕ ВОЗВРАЩАЯСЬ Я.
В СЕРДЦЕ ВРЕЗАЛИСЬ МОЁ, ЧЁТКОЙ ЛИНИЕЙ,
НАШИ МИЛЫЕ КРАЯ, ЖУРАВЛИНЫЕ.
И ДОРОЖЕНЬКИ - ПУТИ ПЕРЕКРЕСТНЫЕ
И, ЗВЕНЯЩИЕ В НОЧИ, ТРАВЫ РОСНЫЕ. -
ТОЛЬКО ЗДЕСЬ ТАКОЙ ЗАКАТ «НЕЖНО-РОЗОВЫЙ»
И ПЬЯНЯЩИЙ, КАК ВИНО, ДУХ БЕРЕЗОВЫЙ.
А ЦВЕТЫ ТАКИХ НИГДЕ НЕ ВИДАЛА Я,
И ВЕНКОВ ТАКИХ НИГДЕ НЕ СПЛЕТАЛА Я.
ВЫЙДЕШЬ ЛЕТОМ, НЕ СПЕША, ЗА ОКОЛИЦУ,
ТАМ, ГДЕ ТИХО РОЖЬ ШУМИТ, НИЗКО КЛОНИТСЯ.

В НЕЙ, КАК ЧИСТЫЕ ГЛАЗА, ДИВО - ДИВНОЕ,
ВАСИЛЬКИ В ТЕБЯ ГЛЯДЯТ, ЯРКО-СИНИЕ.
ТАМ РОМАШКИ НА ЛУГУ БЕЛОЛИЦЫЕ,
КОЛОКОЛЬЧИКИ ЗВЕНЯТ УЗКОЛИСТНЫЕ.
СОБЕРЕШЬ ТАКОЙ БУКЕТ - ЗАЛЮБУЕШЬСЯ,
ПОД НОГОЙ ТРАВА, КАК ШЕЛК, ЧТО РАЗУЕШЬСЯ.
И БРЕДЕШЬ КУДА-ТО ВДАЛЬ ПО ТРОПИНОЧКЕ,
ДА ЗАДУМЧИВО КУСАЕШЬ ТРАВИНОЧКУ.
ПОСИДИШЬ НАД РУЧЕЙКОМ, ИСКУПАЕШЬСЯ
И ВДОЛЬ БЕРЕГА ДОМОЙ ВОЗВРАЩАЕШЬСЯ.
ПО ДОРОГЕ ОБОРВЕШЬ КУСТ СМОРОДИНЫ...
ТРУДНО ЖИТЬ МНЕ БЕЗ МОЕЙ МИЛОЙ РОДИНЫ.

В КРОМЕШНОЙ ТЬМЕ БЛУЖДАЮТ НАШИ ДУШИ.
ОНИ ЖИВУТ ОТ НАС НА РАССТОЯНЬИ.
КОГДА МЫ ВМЕСТЕ - НАМ ОНИ ПОСЛУШНЫ,
НО ПОКИДАЮТ НАС ПРИ РАССТАВАНЬИ.
И МАЮТСЯ ОНИ, КАК ДВЕ ГОЛУБКИ,
ДРУГ К ДРУГУ РВУТСЯ ИЗ-ЗА ПЛОТНЫХ СТАВЕН,
О СТЕКЛА БЬЮТСЯ И СЕБЕ ЗАРУБКИ
ОБ ИХ ОСКОЛКИ НАВСЕГДА ОСТАВЯТ.
И ДОЛГО КРОВОТОЧАТ ЭТИ РАНЫ,
ХОТЯ ОНИ, КОНЕЧНО, НЕ СМЕРТЕЛЬНЫ
И ПОСЛЕ НИХ ОСТАНУТСЯ ЛИШЬ ШРАМЫ,
КОТОРЫЕ НЕВИДИМЫ НА ТЕЛЕ.
ВОТ И МОЯ ДУША, КАК ТА ГОЛУБКА,
К ТВОЕЙ ДУШЕ ПЫТАЕТСЯ ПРОРВАТЬСЯ,
НО ТЬМА ВСЕСИЛЬНА, А ОНА ТАК ХРУПКА,
ЧТО ВРЯД ЛИ ДОЛГО СМОЖЕТ ПРОДЕРЖАТЬСЯ.

Я УДЕРЖАТЬ ЕЁ ПЫТАЮСЬ СИЛОЙ,
ОБМАННЫМИ СЛОВАМИ УЛЕЩАЮ,
НО ВНОВЬ ОНА, ГОЛУБКОЙ СИЗОКРЫЛОЙ,
К ТЕБЕ ЛЕТИТ, И Я ЕЕ ПРОЩАЮ.
ЛЕТИ, ДУША, ТЫ НЕ ПОДВЛАСТНА ТЕЛУ,
ЖИВИ СВЕТЛО И СЧАСТЛИВО, КАК НАДО,
ХОТЬ ТЫ ЖИВИ, КАК Я БЫ ЖИТЬ ХОТЕЛА,
СМЕТАЯ ВСЕ НЕНУЖНЫЕ ПРЕГРАДЫ.

РОЖДЕНИЕ ВЕСНЫ.

Люблю весну не с самого начала,
Когда еще снега и холода,
Когда еще нигде не зажурчала,
Не прорвалась, не хлынула вода.
Весна вначале - это не рожденье.
Она еще не трогает умы,
А просто отступленье, отхожденье,
Уставшей, обессилевшей зимы.
Но вот апрель приходит вслед за мартом.
Смотри, как развернутся небеса.
А теплый ветер, с яростным азартом,
Гоняет облака, как паруса.
И, как невесты, тянутся березы,
Вбирая солнца щедрого лучи.
Сосульки с крыши изойдут на слезы,
И зажурчат веселые ручьи.
И треснет лед на реках и озерах,
Подмоет кромки темная вода.
А там глядишь: и ледяным заторам
Придет конец - растают без следа.
И понесется радостным потоком
Широкая весенняя река.
Пополненные водами, протоки
Притопят и подмоют берега.
Уж скоро прокурлычет, пролетая,
Над головой закинутой моей,
Из южных мест вернувшаяся стая,
Знакомых долгожданных журавлей.
Душа моя очистится от скверны,
Как в детстве снятся розовые сны.
Вот это время я люблю безмерно,
Его зову рождением весны.

Пора опуститься на грешную землю,
Не время витать в облаках.
Я голосу сердца, не разума, внемлю,
Баюкая счастье в руках.
Ращу я его как родное дитяи,
Храню от обид и невзгод,
В любовь одеваю, как в лучшее платье,
Но что-то оно не растет.
Давно бы пора примириться с утратой,
Ведь знаю: оно не жилец.
И чьи-то угрозы, и чье-то проклятье
Ему предрекают конец.
А сколько врагов у него оказалось,
Ну, просто несметная рать:
Бессилье, злословье, неверие, ярость,
Да ложь, что не хочет спасать.
Я бьюсь над своим угасающим чадом,
Мне жизнь без него не мила.
Но тает оно, и я чувствую ладан
Из каждого веет угла.
Я верю ещё и надеюсь на чудо,
С тоской неустанно борюсь,
Но лжи во спасение, словно Иуды,
Принять не могу и боюсь.

АМУРСКИЙ МОСТ.

Здесь нашей родины просторы
Великолепны, как нигде:
Синеют сопки, словно горы
И отражаются в воде.
Течет безмолвно, величаво;
АМУР - великая река.
Гремят "швартовы" у причала,
Стоят крутые берега.^
На них кедрач шумит стеною,
Как будто все вернулось встарь.
Но над амурскою волною

Ажурной пеной встала сталь.
Амурский мост - творенье века,
Примял Амуру берега.
И подчинилась человеку,
Когда-то грозная река.
Река и мост теперь едины:
Опоры трогает прибой.
Как мать и сын неразделимы
И тесно связаны судьбой.
Так часто мы природу рушим,
Не замечая, просто так,
Но в этот мост вложили душу,
И торжествует красота.
Он словно здесь стоял веками,
Несокрушимый, как стена,
Как этот вот амурский камень,
Как эта пенная волна.

РУСАЛКА

Я одинока и ничья.
Склоняясь низко,
Сижу русалкой у ручья
На камне склизком.
Рукой подать -
Темнеет мост.
За ним дорога.
Но мне не встать:
Не может хвост
Служить, как ноги.
Еще недавно было мне
Легко и просто.
Качалась, лежа на воде,
Считала звезды.
И отражала чешуя
Их свет печальный.
А речки тихая струя
Была хрустальной.
Казалось: будет так всегда,

Как и доньше,
Но замутилась вдруг вода,
Покрылась тиной.
А небо темной пеленой
Закрыли тучи,
И стало плохо мне одной
и очень скучно.
Вдруг захотелось чей-то смех
Услышать всё же
И чешую стряхнуть, как мех,
Небрежно с кожи.
Не так-то просто сбросить хвост
Русалке вечной.
Давным-давно неезжен мост
Над тихой речкой.
И буреломом заросли
Лесные тропы,
Клочок заброшенной земли
Прикрыли топи.
И вот, срываясь и скользя
Неосторожно,
Ползу на берег из ручья,
Сдирая кожу.
И, затаившись на песке,
Который вечер,
Сажу в печали и тоске,
Сжимая плечи...
Не вечна ночь, горит заря,
Светлеет небо.
Приходит утро. Мне пора,
Так что ж я медлю?
Нельзя рассветы мне встречать,
Встает светило.
Спаси меня Природа-мать,
Теряю силы.
Трещит сухая чешуя...
Не сон приснился -
Мой хвост, как мёртвая змея,
С меня свалился.

И я, о камень опершись,
Рукою белой,
Уже сама встаю, кажись,
Пока несмело.
И, оттолкнув ногою хвост,
Не жаль, ей-богу,
Спешу туда, где виден мост
И где дорога.
Иду, немножко тяжело,
Впервые все же,
И, солнца вечного, тепло
Вбираю кожей.

ЗВЕЗДЫ И МЕЧТЫ

Звезды падают с неба зимой,
Но немножко пореже, чем летом.
Чтобы грудью столкнуться с землей
И, конечно, сгорают при этом.
Прочертив небосклон лишь на миг,
Набирая стремительно скорость,
Слышат чей-то восторженный крик
И тотчас исчезают, как порох. *—
Но успеет, сгорая, звезда
Подарить, увидавшим надежду,
Что реальна любая мечта,
Что казалось несбыточной прежде.
И от счастья смеясь и кружась,
Ничего не выдавшие лучше,
Убегают, желанье зажав,
В кулаке, как серебряный ключик.
Мы все время спешим за мечтой
В вечных странствиях, в вечной погоне.
И под каждой падучей звездой
Торопясь, раскрываем ладони.
Может это не наша звезда
И теплом ее нам не согреться.
Просочится с руки, как вода,
Только чуточку выстудит сердце.

УШЕЛ ИЗ ГАВАНИ КОРВЕТ.

Зачем тебе мечтать о том,
Чего не будет никогда?
Угрюмо плещет за бортом
Седая грозная вода.

Ушел из гавани корвет.
Под ветром Жлещут паруса.
Он встретит утренний рассвет
Скорей тебя на два часа.

Его у дальних берегов
Встречает южное тепло.
Там чтут совсем других богов,
А здесь все снегом замело.

Не возвратится он назад
Из райских куц в твои снега.
И эта горькая слеза
Ему уже недорога.

От ветра отверни лицо.
Уж так случилось, плачь не плачь.
А то, дарёное кольцо,
Как боль свою подальше спрячь.

Пройдет зима, растает лёд.
На сопках зацветут цветы,
И может боль твоя уйдет,
И вновь в любовь поверишь ты.

КЛОУН

Веселый клоун на манеже,
Кривляясь, публику смешит.
Он так забавен, и небрежен,
И так парик его плешив.
А золотистые кудряшки
Горят вокруг крутого лба.

Его наивные промашки
В восторг приводят всех ребят.
Он может все: поёт и плачет,
Взлетает к куполу, смеясь.
С любой невысказанной задачей
Справляясь, не ударит в грязь.
Идет по тонкому канату,
Без подстраховки на авось,
За страх, за риск, не за зарплату,
Ему б иначе не жилось.
Ведь что за цирк без клоунады
И без его смешных реприз?
Ему дороже нет награды
В свой адрес слышать: «Браво! Бис!»
Всё с виду так легко, красиво.
Но гаснут рампы, вновь финал.
В буфете, выпив кружку пива,
Заглянет клоун в темный зал:
Пуста арена, нет оркестра,
Задернут занавес опять.
А завтра вновь пустое место
Здесь будет трудно отыскать.
Он молчалив, не как на сцене.
Отклеит нос и смочит губы.
Пальто обычное оденет,
Пойдет, не признанный, один.

ВЫСОЦКОМУ В ПАМЯТЬ.

На последнем аккорде
Оборвалась струна.
Болью стиснуло горло,
Застонала страна.
И, устав от погони,
В хлопьях пены, в пыли,
Снова вздыбились кони
Возле края земли.
Здесь проходит граница.
Здесь флажки по кустам.

Скорбью скованы лица
У подножья креста.
Замолчала гитара -
Снова умер певец.
И, конечно, не даром
Торжествует подлец.
Ведь не зимнею стужей,
Леденящей виски,
Этот голос простужен-
Он хрипел от тоски.
Он страдал и молился
И спасенья искал.
Он за Родину бился,
За Россию стоял.
Возле самого края
И у самых флажков,
Вопреки вечных правил,
Не стреляя в волков.
Вечной скорбью распятым,
Он стонал, как струна.
Неуёмного брата
Потеряла страна.

Не хочу усредненности. Я была бы добрей,
Если б сердце не знало давящего страха.
Только ноющей болью напомнит мигрень,
Что всегда за спиной у восставшего плаха.
Я рабыня, навечно попавшая в плен.
И сама для себя я судьбу предрешила.
Только рвусь из оков, чтоб подняться с колен,
Собирая свои распоследние силы.
Как устала душа пробиваться впотьмах
Между утлых жилищ ко дворцу расписному,
Где не знает никто, что такое тюрьма.
Да и жизнь протекает по руслу иному.
Там счастливые лица, познавших любовь,

Где она никогда не бывала распятой.
Где душа перед всеми снимает покров,
А не прячет свою красоту воровато.
Существует ли он, этот райский дворец,
Этот мир из фантазий, построенный мною.
Где не может прижиться убийца, подлец
И своим топором не взмахнет за спиною?
Где свобода и совесть и мыслей полет
Под запретом не будут ютиться убого.
Там, где каждый велением сердца живет,
По нетленным законам, написанным Богом.
1999.

Гордость или гордыня?
Как разделить не просто
Свободная, не рабыня
Да только душа в коростах.
А сердца кровавит рана
Рубец добавляя к старым.
Может смиряться рано?
Сердце болит не даром.
Может еще не поздно,
Столько ведь между нами?
Только последний поезд
Манит к себе огнями.
И затянула осень
Небо опять дождями,
Что ж мы с собой уносим
Только больную память?
Свобода, какой ценою
Возвращена отныне,
Что же водило мною
Гордость или гордыня?

ПУШКИН.

Я с Вами фамильярничать не смею,
О, Пушкин, как высок Ваш пьедестал.
У самой нижней, маленькой ступени
Смотрю на Вас, на цыпочки привстав.
Вы были в мире. Это очень важно.
Перо сжимала быстрая рука.
Ведь гении рождаются однажды,
Один раз в век, но уж наверняка.
Изгиб иль поворот судьбы лукавой,
Не нам судить, но знаем у Петра
Служил когда-то прадед Ваш курчавый,
Не знатный родом, купленный арап.
Из Пушкиных-мещан другая ветка...
Перехлестнулись обе на пути,
И гения божественная метка
Вас просто не сумела обойти.
Вы взяли все: и африканский профиль,
И широту российскую, и блажь,
И быстрый ум, и ток горячей крови,
И гения таинственный кураж.
Сквозь бронзу века, в скверике лицейском,
Вы смотрите задумчиво на нас:
Как много в нас тщеты и фарисейства,
И как далек от нас седой Парнас.
В угоду чьих-то мнений и течений,
Мы забываем правило одно:
Поэзия не терпит отвлечений,
В её глубинах истины зерно,
Вы это знали, и его открыли.
И белый, норовистый конь Пегас
У Ваших ног слагал большие крылья,
До самой Черной речки сотни раз.
Сквозь призму века преломлялось слово.
Крушила камни времени река,
Но до сих пор божественно и ново
Блестит Ваша легкая строка.

Вы памятник себе воздвигли сами,
Стоит он и прекрасен и велик,
Поэзии не гаснущее, пламя,
Вам золотом, высвечивает лик.

Жалость сильнее любви -
Кто эту формулу вывел?
Ты же, её повторив,
Вдруг из седла меня выбил.

Там, впереди, перевал.
Путь неизведанный ляжет.
Конь твой уже захромал,
И потерялась поклажа.

Ну, а моей, как шлея,
Снова попала лошадке,
Мчится она, веселясь,
Только вперед, без оглядки.

Разве кузнец не один
Ставил резные подковки?
Иль за конем не следил?
Или твой конь-полукровка?

Не на прогулку с тобой-
В путь собирались неблизкий.
Знали, что горной тропой,
Ехать не сможем без риска.

Как я бывала горда,
не признавал преграды.
Но натянулась узда,
Снова сворачивать надо.

Ветер в лицо так и бьет,
Пропасть гудит под ногами.
Ты повернул. Я - вперед.
И расстаемся врагами.

Сзади тепло и уют,
Всё так привычно и мило.
А впереди стерегут
Может быть даже могилы.

Страшно, не спору, но вновь
Не захочу возвратиться.
Гордое чувство Любовь
С жалостью разве сравнится?

БЕРЕНДИНСКАЯ ПРОТОКА.

Солнце с неба льет потоки.
Синь и чистая вода.
Берендинская протока,
Берендинка, Беренда.
Что-то сказочное, вроде
Берендеевское есть.
Далеко остался город,
Мы, вдвоём, с тобою здесь.
Я иду пустынным пляжем.
Крикнет чайка и молчок.
Колокольчик нам подскажет:
Рыба села на крючок.
Не скажу, чтоб очень щедрой,
К нам с тобой была река,
Но вкуснее нет обеда,
Чем рыбацкая уха.
Разве так уж много надо,
Чтобы счастье ощутить?
Лишь бы быть с любимым рядом,
Суету сует забыть.

Единение с природой -
Вот основа бытия.
Берендинская протока,
Солнце, небо, ты и я.

От равнодушья иль природной лени
Из года в год, да и из века в век,
Мы человека по достоинству не ценим,
Пока живет на свете человек.
И Гения, как всех привычной меркой,
Не различив, где золото, где медь,
Обмерим, и чтоб имя обессмертить,
Ему скорее нужно умереть.
И вот свершилось: почивает в бозе.
Убит, иль просто свой закончил путь.
К его надгробью и живые розы
И лавровые ветви принесут.
А сколько почитателей таланта
Возникнет вдруг, как вырастет молва.
И засверкают, словно бриллианты,
В устах живых хвалебные слова.
О, скольким многим он теперь потрафил,
Хотя при жизни ненавидел лесть.
Любителям великих биографий
В свой стол позволил запросто залезть.
Шуршат в чужих руках любимых письма,
И домыслы сплетаются в венки.
Копаются в бумагах, в чувствах, в мыслях,
Из монографий строятся полки.
Сомнений нет ни ком, что был он Гений:
Каким умом его овеян лоб...
Как мало мы людей при жизни ценим,
А к мертвому заглядываем в гроб.

Ну что еще тебе сказать?
И так уж сказано не мало.
И столько выпито бокалов,
Где смешан, был с нектаром яд.
И столько пройдено дорог,
Где был навек упущен случай.
И столько раз, слетались тучей,
Все беды мира на порог.
Зачем опять сплестать венки
Из недомыслий и ошибок?
Все так же мост под нами зыбок,
И пропасть возле самых ног,
А сердце корчится от ран,
В нем все сильнее перебои.
И так же трудно нам обоим
Свернуть с пути, сорвав стоп-кран.
Ну что еще тебе сказать,
Какими объяснить словами,
Что все, что было между нами
И будет - Божья благодать?

В спину уходящего
Камень не бросают.
Милости просящего,
Вряд ли осуждают.
А карают гордого,
Что не хочет плакать,
И об стол, да мордюю-
На тебе, собака!
А судьба-судьбинушка
Наблюдает в оба.
Потекла кровинушка,
Солоня-попробуй!
Слезы тоже солоня,
Да не жизни мера,
Каждый ли закованный

Поменяет веру?
Стерпится и слюбится-
у иного кредо.
Что прошло, забудется-
Нет смешнее бреда.
Все вокруг да около -
Не увидишь праздника.
Воронье и соколы-
Птицы очень разные.
Одному бы в небушко,
Ближе к солнцу красному.
А другому - хлебушка,
Хоть горбушку грязную.
Наклонившим головы,
В руки грошик кинут.
Но, как прежде, гордому,
Снова камнем в спину.

ДЕД И ВНУЧКА

Плетёт корзины дед.
Сосновой пахнет дранкой.
А мне всего шесть лет,
И я еще Татьяна.
Мурлычет песню кот
У деда на коленях.
В печи огонь поет
И пляшет на поленьях.
И очень скромн быт:
Под окнами две лавки,
В углу сундук стоит,
Да образок с лампадкой.
И самодельный стол,
Да полочка с посудой. Песком
отдраен пол,
Весь солнечный, как будто:

И я верчусь с утра,
Плести мешая деду-
Он обещал вчера

О нечисти поведать.
Как будто он её
Встречал не так уж редко.
Ведь раньше лесником
В лесу работал дедко. #
- Ну, дедушка, скажи,
- Ты лешия видал ли?
- Стой, внучка, не кружи,
Видал, совсем недавно.
- Какой он из себя?
Ты очень испугался?
Не тронул он тебя,
Не злился, не ругался?
- Какой? И хитро дед
На внуку глаз прищурит-
Обут он и одет
И даже трубку курит.
- Я этой вот весной
С ним повстречался снова.
Сидел он под сосной,
У ручейка лесного.
К себе меня позвал,
по имени окликнул,
И тихо попенял,
Что от людей отвыкнул.
Живет теперь в глуши,
Отсюда и не видно.
Не любит шум машин
И запахи бензина.
А в старые места
Забрел совсем случайно
И видит, что грустна
Картина чрезвычайно:
Повырубили лес,
Ручей зарос осокой.
Не встретишь зверя здесь.
Из птиц - одни сороки.
Нет белого груздя
И ягоды морошки.

д по лесу нельзя
Ходить с пустым лукошком
И хмуро сдвинув бровь,
Ссутулив сильно спину,
Дед приступает вновь
Плести свою корзину.
А мне так жаль того,
Лесного человечка.
Позвать бы нам его,
Погреться возле печки.
Сейчас зима гудит
За окнами сердито.
А он в лесу сидит,
Заброшенный, забытый.
И я сперва чуть-чуть,
Потом все громче плачу.
-Дед гладит по плечу:
Вот задал я задачу.
Есть у него изба.
Ты, внученька, не бойся,
Есть крыша и труба:
Чтоб залетали гости.
Яга на помеле
И черти всякой масти
По саже и золе
Пожалуйте, залазьте.
Ох, хитрый все же дед.
Вновь, вспыхивают глазки,
И внучка целый день
Готова слушать сказки.
А бабушка, не в злость,
Ворчит: пора обедать.
Ты, Федорушко, брось
Рассказывать ей бредни.
Сядь, Танюшка к столу,
Бери большую ложку.
Да чтоб я на полу
Не видела ни крошки.
Ешь, суп с грибами вот,

А ягоду - морошку
Недавно, леший тот,
Тебе прислал в лукошке.

Я привыкла к предательству близких людей
И прощать научилась, но все же,
Я так часто боюсь им в глаза поглядеть,
До какой-то нервической дрожи.
Я тонула у самых уже берегов,
Нахлебавшись отчаянья вволю,
А спасательный круг вдруг летел от врагов,
И сжималась душа, как от боли.
И признаний любовных наслушавшись всласть,
И поверив в слова и значенья,
Я предательство вновь отмывала как грязь
И искала потом излечение.
Как же трудно от этих избавиться мук,
Если все повторяется снова.
Но так хочется верить в тепло твоих рук,
И в правдивость и взгляда, и слова.

22.02.2000

Я настоящая с тобой,
Все остальное лишь бравада.
Ты, мною выигранный бой
И наивысшая награда.
С тобой я женщина всегда,
В твоих глазах читаю это.
С тобой горит моя звезда
Таким лучистым, ясным светом.
И все, что было позади,
Осталось в том, прошедшем веке,
Все смыли шальные дожди,
И в океан умчали реки.

РЕЧЕНЬКА.

Здравствуй, реченька, здравствуй быстрая.
Мне бы сил твоих, чтобы выстоять.
Чтобы жизнь моя, как река текла,
Чтобы, как и ты, песни пела я.
Что б заснуть, как ты, в зиму снежную,
А весной опять стать бы нежною.
Чтоб бурлила жизнь, как речной поток,
Дай мне сил твоих, хоть один глоток.

Хочу взлететь над бездной мироздания,
Чтоб проследить полет своей души.
И видеть все просчеты и незнания
И трудные, крутые виражи.
Чтоб избегая в будущем ошибок,
Взлетая ввысь, расправив два крыла,
Душа моя с рождения, от зыбок,
Могла постичь глубины ремесла.
Уподобляясь разумом Вселенной,
Как губка воду, впитывала свет
И оставалась бы душа нетленной
На миллионы, миллиарды лет.

Кругом зима, и я замерзла льдинкой.
Оттаю ли, когда наступит лето?
Душа моя, ты стала невидимкой,
Не служишь мне и не даешь советы.
И обрастаю я кристаллом снежным,
С гранеными и острыми углами.
И позабыла, что бывала нежной
И говорила теплыми словами.
Вернись ко мне, ведь я еще живая,
Хоть и замерзла до изнеможенья,
Дыханием своим отогревая,
Верни любовь и новое рожденье.

КЕДРЫ РОССИИ к книге В. Мегре «Анастасия»

В себе ощущая тревогу,
Блуждая во тьме и во снах.
Мы к истине ищем дорогу,
Не зная, что рядом она.
Вот эта былинка простая,
Букашка в раскрытом цветке,
И семечко, что прорастает,
К твоей прикоснувшись руке.
В холодную втиснуто землю,
Твоё сохраняя тепло,
Из тьмы, как из ада, из скверны,
Оно прорастает назло.
И тянется к солнцу и свету.
Вершиной пронзив облака,
Звонящим становится кедром,
Поющим негромко пока,
Для избранных, для посвященных,
Живущих с открытой душой.
Любовью, добром освященных,
Кто к истине этой пришел.
И в ней их богатство и сила...
Ты вслушаться в них поспеши,
В звонящие кедры России,
В звонящие струны души.

Озарение или наитие
Освещают наш жизненный путь.
И так часто приводят к открытию,
Обнажающем самую суть.
Отметая из мыслей сомнения,
Смотрим правде в глаза, не таясь,
И к слепому приходит прозрение,
И появится смысл бытия.

Все мы чуть-чуть сумасшедшие,
Стоит ли правду скрывать?
Время итога прошедшее,
Лучше пытаемся стать.

Выделим красными строками
То, что считаем важней,
Только бороться с пороками
Нам с каждым веком сложней.

Рвемся сквозь темное прошлое,
В храме, затеплив свечу,
В души, дремотно заросшие,
Трудно пробиться лучу.

Крутится с бешеной скоростью
Шарик земной на оси,
И, зависая над пропастью,
Молимся: «Боже, спаси!

Словно слепому прозрение,
Дай путеводную нить,
И ниспошли озарение,
Чтоб одолеть лабиринт».

13.05.2001

Заглянуть бы в далекое прошлое,
Повстречавшись внезапно с собой.
В оболочку, какую заброшена
Я бывала когда-то Тобой?
Узнавала, какие ремесла я,
И в лачуге, иль в замке жила?
Может, ночи сидела над кроснами,
Иль смотрелась всю жизнь в зеркала?
Колдовала ль в пещере заброшенной,
У костра, над кипящим смольем?

И кружили вороны, да коршуны
Над моим одиноким жильем.
И какими ходила дорогами
И богам, поклонялась каким,
Наделенная всеми пороками,
Иль безгрешная, как херувим?
Сколько жизней моих в бездну сброшено
Всемогущей твоею рукой?
Заглянуть бы в далекое прошлое,
Прорываясь сквозь толщу веков.
16.05.2001

БЕЗВОЗВРАТНОСТЬ

/цикл из трёх стихотворений/

Мне нет покоя в собственном доме.
Мне нет покоя в собственной душе.
Принадлежать хотела одному,
Принадлежала вроде бы уже...
Но оказалось всё совсем не так,
И принадлежность эта ни чему:
Любовь моя оценена в пятак,
А почему сама я не пойму.
Вопрос к вопросу строятся в ряды,
Но нет ответов к ним, как ни крути.
Потоки слов потоками воды
Размыли все возвратные пути.

Я не хочу возвращаться обратно.
Всё, что прошло, позабыть бы давно.
Это должно быть любому понятно:
Жизнь не похожа, увы, на кино.
Не прокрутить, как отдельные кадры,
Годы и месяцы, ночи и дни.
Птицы весной возвратятся обратно -
Мы возвращаться назад не должны.
Кто, как не сами, плетем, постоянно
Жизней своих золотую кайму

И обрываем ее постоянно,
Сами себя, загоняя во тьму.

Обрекаю себя на душевный разлад,
На мучительно-трудную долю,
Потому что забыла дорогу назад,
Вырываясь из клетки на волю.
Где-то к счастью, в бегах, обронила ключи,
И маршрут мой нигде не указан.
Вдоль дороги на лапах еловых сычи
Смотрят вслед укоряющим глазом.
И пугающе ухают над головой,
В тишине опустевшей дороги.
И ищу я, ищу я, желанный покой,
Оббивая чужие пороги.
Но нигде не желают принять чужака,
Что ж мечтать о любви или ласке?
Вновь и вновь в протестующем жесте рука,
Лица, словно застывшие маски...
Ухожу без оглядки, стремительно прочь,
От чужого бездушного взгляда,
То в глухую, осеннюю, темную ночь,
То в бушующий шквал снегопада.
Не прощаюсь, не плачу, с собой не зову
Ни кого. Одинокой волчицей
У обрыва однажды свой след оборву,
Не пытаюсь назад возвратиться.

Уметь бы стряхивать с себя
Заботы и печали.
Забыть друга, отлюбя,
Как будто и не знали.
И, встретив твой случайный взгляд,
Подумать равнодушно:
«Его ли столько лет подряд
Любила я? Как скушно».

ГАРМОНИЯ

/На книгу В. Мегрэ «Кто же мы»/

Не в отрыве от земли,
Занятая делом,
Дни остатние свои
Провести б хотела.
Чтоб стоял на берегу
Озера иль речки
Дом мой, до весны в снегу,
С золотым крылечком.
Чтоб деревья, как забор,
Окружали стены.
На холме вдали собор
Был бы непременно.
Прерывалась тишина
Птичьим пеньем только б,
Да на берег бы волна
Набегала бойко.
Как свеча ночной порой,
Мне б луна светила.
Что бы ручка, как перо,
По листу скользила.
Чтоб я утром на крыльцо
Первой выходила
И, умыв росой лицо,
Солнышко будила.
А окончив путь земной,
Под сосной иль елью,
Здесь, прикрытая землей,
Я б подверглась тленью.
Чтоб на холмике простом,
Маленьком, безликом,
Проросла я вновь потом
Скромной земляницей.

2.06.2001

Все о нём, о нём, о нём,
Днями и ночами.
Сердце выжжено огнем,
А душа печалью.
Нескончаем лабиринт
Мыслей и раздумий.
Сколько он в себе хранит
Бессловесных мумий?
Обронив дорогой нить,
Пробивались к свету,
Но вставал стеной гранит
На пути к ответу. .

25.05.2001

Я написать хотела о любви,
А написала снова о разлуке.
О том, как отплывают корабли,
Разъединяя души, судьбы, руки.

Я написать хотела о друзьях,
Что за тебя пойдут в огонь и в воду.
Но самый лучший друг стал первый враг,
Тебя, предав, начальнику в угоду.

О брате я хотела сообщить,
Каким он был веселым и красивым.
Но он теперь среди могильных плит,
И я его вернуть уже не в силах.

Я описать хотела бы весну
В таких тонах невысшимого цвета.
Но снегом завалило всю страну,
И доживем ли мы теперь до лета?

22.03.2001

ОСНОВА БЫТИЯ

Отгородившись стенами от мира,
В тепле привычном своего жилья,
Ты забываешь часто, что квартира,
Еще не есть основа бытия.
Что в мире есть и ценности иные,
Дороже всех ковров и хрусталей:
Земля и солнце, травы луговые,
Духмяный запах из лесов, полей.
И есть вода - не мертвая из крана,
Не ржавая заложница веков,
А кровь земли со вкусом нежно-пряным,
Вода живая рек и родников.
Она, как сок березовый по жилам,
Живительную влагу понесет.
Она тебя такой наполнит силой,
Что и душа запросится в полет.
И ты увидишь небо вместо крыши,
Ковер, сплетенный из цветов и трав.
Не звуков какофонию услышишь -
Симфонию среди лесных дубрав.
И раздавить, боясь: они ж живые,
Былинку и простого муравья,
Быть может, не захочешь ты впервые
В уют привычный своего жилья.
И осознав, что был слепцом ты сроду,
Прозревший вдруг, и радость не тая,
Поймешь, что лишь в гармонии с природой,
Была и есть основа бытия.

3.06.2001

Я боюсь сойти с ума
От обид и поражений.
Я не выдержу сама
Всех своих самосожжений.

Я устала от зимы,
От метелей и морозов,
От душевной пустоты,
От житейской нашей прозы.

Всеа, чего я так хочу,
От чего я не устану:
Золотому бы лучу
Поклониться утром рано.

Посидеть у родника,
Иль напиться из колодца,
Слушать, как вдали река,
Слабым эхом отзовется.

В дом родительский войти,
Постучавшись еле слышно.
Маму в здравии найти
И пожить под отчей крышей.

РУССКИЕ БАНИ.

Стоят на задворках деревни
Иль прямо у самой реки
И, как по обычаям древним,
В субботу пускают дымки,
Простые российские бани -
Утеха, услада крестьян.
И нет разделяющей грани
Меж прошлым и будущим там.
Как деды когда-то в парилке
Хлестали себя на полке,

Крестьянин, забыв о бутылке
И тощем своем кошельке,
Подкинет на каменку жару,
Плеснув из большого ковша,
Горячим, окутавшись, паром,
Готова на вылет душа...
А русскому снова нейдет:
Он с пылу, да с жару опять
Вдруг в прорубь еще окунется,
Душа и воротится вспять...
Простые российские бани,
Вы с прошлым и с будущим связь.
Когда-нибудь смоет крестьянин
И с душ своих копоть и грязь.

3.02.2001

БАРД

Те, кто читали предания,
Знают, что в горных местах,
В древней далекой Шотландии
Жили друиды в лесах.
Мудрость монахи-отшельники
Брали из самой земли,
Лучшим из кельтского племени
Знания эти несли.
Были в великом почтении
В самых высоких кругах:
Сына отдал им в учение
Даже Морвенский монарх.
Было ли это пророчество,
Мог ведь наследовать сан,
А унаследовал творчество,
Тот, кто звался Оссиан.
Вот он, герой Монферсона,
Воин, сказитель, мудрец,
Доктор, хранитель истории,
Кельтский поэт и певец.

Видишь, как он непреклонно,
Арфу, прижавши к груди,
Прямо на вражьи колонны,
Снова идет впереди.
Песню несет словно знамя,
Первый известнейший бард.
Вражьи колонны таранит
Маленький смелый отряд.
Песня взлетает. О, чудо:
Эхом грохочет в горах!
Помощь спешит отовсюду,
Дрогнул, попятился враг...
Где они кельты, друиды,
Мудрый и смелый народ?
Нет их, как нет Атлантиды,
Нынче двухтысячный год
Было давно это вроде,
Стоить ли все ворошить?
Не Оссиан, а Володя
Нашей коснулся души.
Пел, словно древние кельты,
Маялся, бился, страдал.
Голос срывая до смерти
К совести нашей взывал.
Пел на натянутом нерве,
Словно бы шел на таран.
Самый первейший из первых,
Русский как кельт Оссиан.
Худенький, видом не броский -
Нету роднее лица.
Как барельефом Высоцкий
Высечен в наших сердцах.

25.07.2000

НИКОЛАЙ РУБЦОВ.

Трудно жить, довольствоваться малым,
Много думать о добре и зле.
Чтоб безвестно имя не пропало,
След свой оставляя на земле.
Нашей жизни вековую прозу
Выражать, описывать в стихах
И любить осинку и березу
Всею душой, за совесть, не за страх.
Сравниваться чистою строкою
С родником среди лесов, полей.
Стать потом сверкающей рекою
На родной, отеческой земле.

СЕСТРА.

Не спится, хоть тресни,
Уж скоро светает.
Старинные песни
Шепчу, вспоминая.
Из детства далекого
Вижу картину:
Сестру синеокою,
Старшую, Нину.
Она с рукодельем
Укрылась от мамы:
Корит за "безделье",
За норы упрямый.
А руки у Нины-
Точеные пальцы,
Рисуют картины
Иглою на пяльцах.
Из старых открыток
Шкатулки, и вазы
Наделает скрытно,
Подарит на праздник.
И все в восхищеиы:

- Вот это работа!
От мамы прощенья
Не выпросишь, что ты:
Посуда не мыта,
Не выметен сор-
Ох, мама сердита,
Не может без ссор.
Сестренка слезинку
Смахнет втихаря.
Так жаль мне, что Нинку
Обидели зря.
На пенсию вышла
Недавно она.
Лишь память, как дышло,
Крутнет времена.

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ.

Кричу Ярославной в Путивле
И руки вздымаю у стен.
Какое мне нужно усилие,
Чтоб снова подняться с колен.
Ты слышишь ли крик мой далекий,
Стенанья и плач по тебе,
О, Игорь, мой князь синеокий,
Единственный в этой судьбе?
Кому, как не ветру доверю,
Тебе донести эту весть:
Ты знай, что я верю, я верю,
Что ты обязательно есть.
Как встарь, из постылого плена,
Вернешься на добром коне,
Поднимешь из праха и тлена
И сердцем прижмешься ко мне.

ПАПОРОТНИК

В эпоху ту не мог родиться
И самый древний человек.
Но умудрился ты пробиться
Сквозь толщу времени в наш век.
Вот, как в кино, мелькают кадры
Эпох, периодов, веков,
Давно погибли динозавры,
Видать по прихоти богов.
И мамонт смят, не той ли силой -
Лежит под толщей ледника?
Тебя ж природа пощадила
И лишь уменьшила слегка.
А ведь огромен был твой пращур,
Когда-то у его корней,
Топтал траву гигантский ящер,
Как современный танк в броне.
Но век гигантов так недолог.
И этих чудищ срок иссяк,
Теперь один палеонтолог
О них гадает на костях.
А ты, что им пришел на смену,
Пробившись к нам через века,
Едва доходишь до колена
И пахнешь древностью слегка.
В лесу, от комаров звенящем,
На склоне сопки, возле пня,
Простая ящерка - не ящер,
Сквозь листья смотрит на меня.

Разливанные моря-
Лужи на дороге.
Я пошла к тебе вчера,
Промочила ноги.
И решила сгоряча:
Коль судьба превратна,
Подшутила невзначай-
Поверну обратно.

ГРОЗА

На город надвигается гроза.
Вдали слышны громовые раскаты,
И первая дождевка, как слеза,
Вдруг по щеке скатилась воровато.
А тучи, словно злое воронье,
Слетелись из-за дальних синих сопок.
И замолчали птицы, про своё,
Кричащие недавно возле окон.
Природа притаилась, чуть дыша,
Предчувствуя большие измененья,
Гроза же надвигалась не спеша,
Исполненная грозного значенья.
И вот свершилось: из-за темных туч,
Зигзагом ослепительным пробило,
И грома звук, раскатист и могуч,
Нарушил тишину, что было силы.
Идет гроза. Шумит, как грозный Зевс.
К земле швыряет огненные стрелы.
А ливень из разверзшихся небес
Смывает все с пути осатанело.

17.06.2001

Виню себя за прошлые ошибки.
За время, что потратила я зря.
За то, что также страшно, также зыбко,
Трясиной подомной лежит земля.
Виню себя за горечь и утраты,
За эту вот извечную тоску,
За то, что за тобой лечу куда-то,
Подобно пожелтевшему листку.
Виню опять себя за разрушенья
Тех зданий, что построила внутри,
За эти, осквернённые в бореньях.
Священные когда-то алтари.

26.06.2001.

Если завтра столкнутся планеты,
Или солнце закроет свой лик,
Ты услышь, как кричу тебя: « Где ты,
Где же ты, в этот час, в этот миг?»
Закричу, разрывая аорту,
Задыхаясь от боли в груди:
Напоследок живой, а не мертвой,
Ты еще мне в глаза погляди!
И рванусь, как в смертельной атаке,
Раздвигая заломы и мрак,
Теплой крови последние капли,
Ощущая, как соль на губах.
Ты услышь меня, где бы ты ни был,
Пусть хоть небо меж нами стеной.
Слышишь, даже из Ада востребуй
И приди, чтоб проститься со мной.
Я, как Феникс, восстану из пепла,
На мгновенье, на крошечный миг.
Я прошу тебя: «Где бы ты не был,
Ведай боль мою, слушай мой крик».

7.05. 2000

Ты потерял любовь такую,
Какой не встретишь уж теперь.
Поверь, я тоже не ликую,
Решительно захлопнув дверь.
Я б против истины грешила
Сказав, что не люблю, но вот
Я женщина и так решила,
Что всё когда-нибудь пройдет.
Что боль в душе моей утихнет,
Отступит горький ком беды,
Желанье жизни снова вспыхнет,
Но как далёко будешь ты.

НЕ УМЕЮЩИЙ ЛЮБИТЬ

Ты без кошмаров ночью спал,
Не мучился сомнением.
В поту холодном не вставал
И не терял терпенья.
И чувствам ты не доверял,
Рассудком жил и только,
Не зная, что ты потерял
И потеряешь сколько-
Тебя Душа не позовет,
Подернутая пылью,
Туда, в заоблачный полет.
Ну, как лететь без крыльев?
Ты не придешь встречать в ночи
Любимую в тревоге,
Чтоб две звезды, как две свечи,
Поставить у дороги.
Плыть, словно лодка по реке -
Вот вся твоя задача.
Живя от жизни вдалеке,
Не мучаясь, не плача.
От всех невзгод себя беречь,
Не зная, что существует
И горечь слез, и радость встреч,
И сладость поцелуев.
Я не завидую тому,
Что ты любить не можешь,
И подчиняешься уму,
А не сердечной дрожи.
Ты обеднен, но не признал,
Свершившегося факта.
Чем ждаться обыденный финал,
Не лучше ль от инфаркта?

2.04.2001

ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК.

У природы дел невпроворот.
Ей однообразие не нужно.
Утром частым дождичком сечет,
Заставляя прыгать через лужи.
Небольшой совсем минует срок,
А уже мелькает солнца лучик,
И весенний, теплый ветерок
Весело расталкивает тучи.
Заблестит промытая листва,
Засвистят, обрадуются птицы,
И ковром, зеленая трава,
Человеку под ноги ложится.
Ты уже убрал подальше зонт,
Плащ повесил на руку беспечно,
А природа тучи призовет
И дождём прольет тебе на плечи.
И бежишь ты, голову вобрав,
Весь промокший, словно прыгнул в реку.
А она, немного поиграв,
Вновь обсушит солнцем человека.
Вот ты частым дождиком умыт,
Вот и теплым солнышком обсушен.
А природа, вдруг, как прогремит,
Как набатом, первым громом в уши.
Полыхнет весенняя гроза,
Засверкают молнии салютом,
И опять прольются небеса
И с землей смешаются, как будто.
О, всесильный, мудрый человек,
Что вздыхаешь ты так тяжко-тяжко?
Слышишь над собой природы смех,
Маленькая, мокрая букашка.

17.05.2000

БАБЬЕ ЛЕТО

Улетают наши годы в невозвратность, как дымок.
Но приходит бабье лето, как надежда на порог.
Встрепенется словно птица, сердце, радостно в груди:
Бабье лето, бабье лето, от меня не уходи.

Дай опять побыть беспечной,
Словно в юности давно,
Так, чтоб жизнь казалось вечной,
Будто в сказочном кино.
Пусть порой бывает грустно -
Это, в общем, ерунда:
Бабьи слезы, бабьи чувства,
Говорят одна вода.

Позабудутся печали, пусть совсем на малый срок,
Кисть рябины мне в подарок принеси, как огонек.
Чтобы теплилась свечою на окне моем всегда
Гроздь рябины, как надежда, как счастливая звезда.

Я возьму ее в ладони,
Поднесу к губам своим.
Как к душе твоей притронусь
Лишь дыханием одним.
Ты не верь словам обманным,
Что про женщин говорят,
Мы ведь любим безоглядно,
Позабыв про рай и ад.

Улетают наши годы, словно птицы в вышину.
Я тоску зажму ладонью, как звенящую струну.
Скоро песни ледяные непогода запоет,
Только верю, бабье лето к нам не раз еще придет.

НА ХОЛОДНОЙ ЧУКОТКЕ.

На холодной чукотской земле,
Омываемой морем суровым,
Не видать по весне журавлей,
Нет березовых рощ и кедровых.
Девять месяцев длится зима,
Летних дней выпадает немного.
Я на ней не бывала сама:
Очень долгой казалась дорога.
Знаю, плавал у тех берегов
Витус Беринг - датчанин по роду,
Навигатор известный Чирков,
Прославляя России корону.
Пакеботы врезались в волну,
Пробиваясь к непознанным землям
И, порой, уходили ко дну,
Смерть свою, молчаливо приемля.
От цинги умирали в пути
Офицеры, простые матросы.
Но бессмертье, стремясь обрести,
Шли вперед неумные россы.
Нет давно безымянных могил:
Их сравнило ветрами с землею,
Но в пролив тот, что Беринг открыл,
Корабли проплывают порою.
Там, где Беринг, смертельно больной,
В путь обратный на Родину правил,
Разрезая стихию броней,
Рвутся новые «Петр» или «Павел».
Уж давно здесь не парусный флот,
А стальные подлодки, эсминцы...
В тех краях не была я, а вот
Сын мой служит морским пехотинцем.

ВОСПОМИНАНИЯ.

Друзья рассеяны по свету,
Как одуванчики в саду.
От них давно известий нету,
А я все жду, а я все жду...
Но снова пуст почтовый ящик.
Проходит мимо почтальон.
И где искать друзей пропавших,
Как не проси, не скажет он.
Как часто мы друзей теряем
В свои отроческие дни.
Тогда мы это понимаем,
Когда останемся одни.
Своя у каждого дорога,
И прервана с друзьями связь.
Узнать бы мне о них немного,
Но времени всеильна власть:
Затерлись старые конверты,
Друзей забыты адреса.
Лишь только в памяти, бессмертно,
Звучат как раньше, голоса.
Я помню каждого, ей богу,
Так, будто слышала вчера.
А как любили мы подолгу
Сидеть в походах у костра.
Туман над озером клубился,
Болтали, мы забыв про сон.
И смех, как камушки дробился
Под комариный перезвон.
И лес шумел неподалеку,
И звезды падали в траву...
Вот я плыву на ветхой лодке
И лилии в охапку рву.
Потом плету из лилий бусы,
Присев у самого огня.
И вижу, как мальчишка русый,
Печально смотрит на меня.

И почему-то мне тревожно.
Я взгляд стараюсь отвести,
Цветы сдвигаю осторожно,
Не успевая доплести.
А вслух кричу: «Кончай трепаться!
Вода - парное молоко,
Что просто грех не искупаться!»
И уплываю далеко.
О, как давно все это было,
Какие были вечера!
Я очень многое забыла,
Но это помню как вчера.
Друзья мои, назначьте встречу
Мне у костра на берегу,
В тот давний, дальний, дивный вечер,
Лишь позовите, прибегу.

О ДУШЕ.

Мы живем в плену у обстоятельств
Вечные рабы и должники.
Кипы векселей и обязательств
Нам в наследство дали дураки.
Человек, рожденный для полета,
Должен извиваться, как змея.
Надрываться так, чтобы от пота,
Почернела матушка - земля.
Нам душою некогда заняться,
Брошена она на произвол.
Вопреки всем правилам и святцам,
Выбираем большее из зол.
Сами не поймем, за что воюем,
Для, кого работаем и как.
Продали родимую, живую
Душу, вместе с Русью за пятак.

МАМЕ, В ДЕНЬ РОДИТЕЛЬСКОЙ СУББОТЫ

Сегодня нет большой работы.
Дела сегодня не важны.
Я в день родительской субботы
Поставлю тесто на блины.
Достану старые альбомы,
Зажгу церковную свечу.
И полечу душою к дому
И на могилках помолчу.
С годами их так много стало,
Что всех уже не перечесть.
Как хорошо пока что, мама,
Ты у меня на свете есть.
Давай с тобою полистаем
Вот этот старенький альбом.
Ты расскажи о том, что стало
Лишь сердца памятью потом:
О наших бабушках и дедах,
О тетках умерших уже.
О жизни прожитой поведай,
О том далеком рубеже,
Где ты была ещё девчушкой,
С косичкой тонкой за спиной.
Где хлопотливая речушка,
Да ели высились стеной.
Я так люблю твои рассказы,
О тех далеких временах.
Хотя уж слышала не раз их,
И даже что-то вижу в снах.
А с пожелтевших фотографий
Глядит улыбочиво родня.
Лишь слезы вместо эпитафий
И у тебя и у меня.
Я напеку блинов, помянем
Кого сегодня с нами нет.
Ты поживи подольше мама,
Еще хотя б с десяток лет.

СТАРШИЙ БРАТ.

Сколько нет тебя на свете,
Старший брат ?
Над могилой солнце светит,
Ветры спят.
Бор сосновый, птичьи звоны
И пески.
Спишь давно, вдали от дома,
Без тоски.
Место дачное красиво -
Не погост.
Будто отдых, будто жив ты
И здесь гость.
Только долго, слишком долго
Ты гостишь.
Плачет мама втихомолку
Ночью, слышь ?
Пережив сынов и дочку -
Вот беда.
Не на день и не на ночку -
На года.
И живет она, страдая
И скорбя.
Ни на миг не забывая
И любя.
Как ты там, непокрещенный,
Не отпет ?
Ты прощен иль непростенный,
Да иль нет ?
Ты был добрый и радушный
Всем подряд.
Сын примерный и послушный,
Старший брат.
Я свечу поставлю Богу
И любя,
 Попрошу совсем немного
Для тебя.
Боже, будь великодушным

И прости.
И грехи его и душу
Отпусти.

25.03

ЛЮБОВЬ.

Я убеждаюсь с каждым годом вновь -
Нет чувства беззаветней, чем любовь.

Из тысяч лиц до смертного конца -
Прекрасней нет любимого лица.

И не придумать нам страшнее мук
Сильнее боли сердца от разлук.

Как я жила все это время,
Все эти годы без тебя?
Несла заботы, словно бремя,
Не огорчаясь, не любя.
Как я могла, не понимаю,
Прожить без губ твоих и глаз?
Как рук твоих не разнимая,
Я не могу прожить сейчас.
Во мне запас неистощимый
Из нежности и доброты.
Все отдаю тебе, любимый,
Любовь свою, свои мечты.
Я благодарна жизни прошлой
За то, что видно неспроста,
Не увлеклась интрижкой пошлой
И что перед тобой чиста.

СОМНЕНИЕ.

Что происходит, не пойму сама,
Я от тоски своей схожу с ума.
И ты меня, наверно, не поймешь,
Как жить мне трудно там, где фальшь и ложь.
Прекрасно все, что между нами есть.
Так от чего сомнений мне не счесть ?
Когда ты рядом, словно нет проблем.
И нету неизбежности совсем.
Но ты уйдешь - и, словно меркнет свет,
И счастья нет, и будущего нет.
Любовь моя как ты горька порой.
И все, что с нами, кажется игрой.
Все так непрочно и невечно так.
И все зависит, как падет пятак.
Орел иль решка - так решит судьба,
Разлюбишь ты иль разлюблю тебя.

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ.

Вот пожалуй и все. Нам осталось проститься.
У любви невозможен счастливый конец.
Но душа протестует, не хочет мириться,
И на сердце еще кровоточит рубец.
Нам отпущено сроку с тобою немного.
Счастье лишь поманило и скрылось вдали.
И расходятся снова две наши дороги,
И у мыса Надежды штормит корабли..
Безнадежность - какое недоброе слово
Словно мглою опутана, мысли пусты
« я должна, я обязана» - снова и снова
Мне твердят, умоляют и просят спасти.
Долг, как камень на шее, со дна не пускает,
Совесь грузом лежит у меня на плечах.
Жизнь уходит, и сил на борьбу не хватает.
Все растаяло вмиг, как из воска свеча.

ПРОЩАНИЕ.

Прижми меня к себе в последний раз.
Целуй меня, ласкай с такою силой,
Чтоб никогда и в свой последний час
Я ни на миг об этом не забыла.
Взгляни в глаза без боли и тоски.
Сожми ладонь в руках своих горячих.
Чтобы до самой гробовой доски,
Я жить могла, не жалуясь, не плача.
Испей меня до капельки, до дна!
Я сердце отдаю тебе, мой милый.
Чтоб не забыл, как женщина одна,
Тебя боготворила и любила.

Синичку счастья отпустив на волю,
Сама лечу стрелой за журавлем.
А ночью просыпаюсь, как от боли.
И днем, как ночью, мне темно с огнем.
Запуталась в себе и нету силы
Бороться с прошлым и смотреть вперед.
Хоть знаю я: мне не опора милый,
И счастье впереди меня не ждет.
Я прошлое намеренно разбила.
Теперь его не склеить, не вернуть.
Я, как в семнадцать, снова полюбила,
И без оглядки тронулась я в путь
Смела единым махом благодутье
С лица у близких, в дом вселила боль.
Я к их страданью стала равнодушной,
Мечтая лишь о том, чтоб быть с тобой.
Я не умею надвое делиться.
Мне с каждым часом все труднее жить.
И счастье упускаю, словно птицу.
И то, что было, мне не возратить.
Завидую тому, кто днем единым,
Умеет жить без боли и стыда.

А мне, что день - то словно поединок
Иль грозное решение суда.

Живу смирясь.
И каждый день смиряюсь.
С собой борюсь.
И снова подчиняюсь.
Ревную ночь.
А утром поразмыслив,
Бросаю прочь
Непрошенные мысли.
Спешу любить
И тут же ненавижу.
Хочу забыть,
И выхода не вижу.
Средь бела дня
В глазах темно, как ночью.
Прошу огня,
Чтоб видеть все воочию.
Кто даст совет,
Чтоб мне решить задачу ?
Но где ответ,
И по кому я плачу ?
« С ума сошла!» -
Мне годы шепчут грозно.
Любовь пришла,
Но только слишком поздно.

напечатано в г-те « Белый ветер».

ЛЕТО.

Лето - пора для детей и влюбленных,
Время каникул и радостных встреч.
Время ночей бесконечных, бессонных,
Что навсегда нужно в сердце сберечь.
Горечь разлук - это все не для лета.

Слезы, потери оставь для зимы.
Если сейчас происходит все это,
Значит для лета потеряны мы.
Нужно учиться смотреть на закаты.
Слушать кукушку в далеком лесу.
Сердцем прочувствовать грома раскаты.
Пить из любимых ладоней росу.
Каждую встречу хранить, словно тайну.
Видеть по-новому то, что видал.
Встретиться взглядом, как будто случайно,
Так, чтоб внутри совершился обвал.
Чтоб привыкали и чтоб не привыкли
Слышать трезвон колокольный сердец
Если ж в любви наступили каникулы,
Значит любви наступает конец.

13.80.96.

СПАСИ И СОХРАНИ.

Господи, спаси и сохрани,
И обереги от злой напасти,
Чтоб в любые тягостные дни,
Душу не делить свою на части.

Пусть сочтется, как из раны кровь,
То, что жизнью попросту зовется,
Я ее меняю на любовь,
Ведь она не каждому дается.

Господи, помилуй и прости !
В лабиринт души не углубляясь,
Отпусти грехи мне, отпусти,
Ничему уже не удивляясь.

Мне самой неведомо, как быть.
И не виден свет в конце туннеля.
Знаю я, что так нельзя любить,
Все прощая и всему поверив.

Помоги, молю, я все приму.
Не гневись, что я Тебя тревожу.
Тяжкому страданию моему,
Ты один свидетель, правый Боже!

Укажи любую из дорог,
По которой мне идти придется,
И избавь мне душу от тревог,
Пусть она опять к Тебе вернется.

Струной, задетою неволью,
Опять звенит во мне тоска.
И от сомнений сердцу больно.
О, жизнь моя, ты нелегка.

Живу терзаясь и теряясь,
Пытаясь прошлое забыть.
В заботах мелких растворяясь,
Пою, чтоб волком не завывать.

Но в повседневности теряю,
Чего-то главное в судьбе,
Как будто платье примеряю,
Неподходящее себе.

И на плечах чужую ношу,
Склоняясь от тяжести, тащу.
Но знаю, что ее не брошу,
Усталых рук не опущу.

О, жизнь, покуда хватит силы,
Дай продержаться на плаву.
Чтобы до смерти, до могилы
Мне не склонить свою голову.

* * *

Когда вопрос встает ребром,
И нужно дать ответ.
То очень трудно нам порой
Ответить да иль нет.

Когда бывает сомкнут круг
И разорвать нет сил.
То не поможет даже друг,
Хоть сколько не проси.

Когда достигнут судьб венец,
И строить ты устал,
Тогда встречаешь, наконец,
Кого всю жизнь искал.

Когда любовь нужна, как жизнь,
Ты вслед за ней идешь.
Так отчего тогда, скажи,
Ее ты предаешь ?

Когда в сомненьях вечных мук,
Ты от борьбы ослаб.
То сам не знаешь, почему
Ведешь себя, как раб.

Ты будто связан по рукам
И словно ослеплен.
И веришь даже дуракам,
А вроде сам умен.

Рабом вещей, привычек, дел
Останешься навек.
Тоска и скука твой удел
До смерти, человек.

И, может, лишь в конце пути
Поймешь, что был не прав.
Что сам судьбе хозяин ты
И все в твоих руках.

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ.

Ты мне сказал: «Дождя не будет».
А он идет тебе назло.
И мокнут крыши, мокнут люди
И мне чуть-чуть не повезло.
Я без зонта иду по лужам,
Спешу на транспорт городской.
И мне сегодня дождь не нужен,
А он течет по мне рекой.

Я дождь люблю порою летней,
Когда под ним парит земля.
Когда он бродит от рассвета
До поздней ночи по полям.
Сверкают за рекой зарницы.
Шумят листвою тополя.
В такие ночи мне не спится -
Погода эта мне мила.
Ведь после нет прекрасней утра,
Отмытого до красноты.
В природе все светло и мудро.
Всегда в достатке красоты.
Шумят ручьи, щебечут птицы.
Сияет солнце каравай.
Все словно заново рождается,
И на земле небесный Рай.
И летний дождь не долговечен.
Не то, что серый дождь весной.
Он утешает, душу лечит.
Он теплый, щедрый, озорной.
Я, как дитя, брожу по лужам,
Берусь за мокрые цветы...
Ну а весной мне дождь не нужен,
И ненавижу я зонты.

4.05.97.

ТВОЯ СИНЯЯ ПТИЦА.

Ты просто не понял еще, дорогой,
Я - синяя птица удачи.
Я - счастье твое, твой сон и покой.
Со мною ты втрое богаче.
С любовью моей не борись никогда,
Ее победить невозможно.
Она так сильна, как живая вода,
Как истина, непреложна.
Я в сердце твоём буду жить до конца
Со мною расстаться, как с кожей
Из ребер твоих я рукою Творца,
Наверное сделана все же.

Я ВОСКРЕСНУ.

Ты уже не слышишь
Крик моей души.
Что уж тут попишешь,
Тают миражи.
Боль во мне свивает
Из тоски гнездо.
Сердце разбивает
Надвое бедой.
Ты уже не хочешь
Боль мою принять
Не хватает мочи
Это все понять.
Как-то все смешалось
В мыслях и делах.
Видно показалось,
Что любовь была.
Может мне приснились
Все твои слова,
Отчего же, милый,
Кругом голова ?
Что ж так плачет сердце

И душа болит ?
Им не отогреться
У могильных плит.
Скоро, хором сведен,
Грянет акафист.
Будешь ты свободен
И кристально чист.
Что-то пожалеешь -
Это не беда.
Знаю, ты сумеешь
Жить, как жил всегда.
Ну а я ? Ну что же,
Сердце сжав в горсти
Постараюсь тоже
Сильно не грустить.
Попытаюсь, милый.
Может быть смогу
Удержаться силой
Здесь на берегу.
Не сорваться в бездну,
Не сойти с ума.
Скоро я воскресну,
Как Христос, сама.

Я не всегда бываю правой,
Но ты прости меня, мой милый,
Что я словами, как отравой,
Тебя не раз уже поила.
Все это от тоски и боли,
От безысходности безбрежной.
И от того, что нам с тобою,
Приходиться трудней, чем прежде.
Прости за нервы, за усталость.
За слов моих непримиримость.
Ты все, что у меня осталось
И чем живу я в этом мире.

НАПУТСТВИЕ СЫНУ.

Корабль впервые вышел в океан.
Он только что сошел со стапелей.
Ему не ведом ни девятый вал,
Ни грозное дыхание морей.

И вот ревет над мачтой ураган,
И разбивает шторм угрюмо борт,
И путь далек к родимым берегам,
Но он упорно движется вперед.

И стихла буря, Зыбь рябит волну.
Сияет небо , ясен горизонт.
Лишь чайки нарушают тишину,
И показался долгожданный порт.

Ты в море жизни вышел в первый раз,
Корабликом, не зная бурь страстей.
Неласково оно встречает нас,
Но мы летим, не сбросив скоростей.

И многого пока нам не понять.
Подводных рифов не видать изгиб.
Чуть отвернешься что-то поменять.
Штурвал отпустишь и тотчас погиб.

Ты, как корабль, сжимаемый во льдах.
Трещит обшивка, нескончаем гнет.
Но ты рванулся, и ушла беда.
И жизнь с другого борта подмигнет.

Ты капитан и лоцман, будь же тверд.
Веди кораблик свой, держи штурвал.
Смотри вперед, а двигайся вперед
И обгоняй всегда девятый вал.

РАБЫНЯ.

Я не женщина. Я не Ева,
На забытой Богом земле.
Я наложница из гарема,
Я рабыня, о горе мне!
Я закована в цепи страха.
Я подвластна чужой молве.
Птицей Фениксом мне из праха
Не взлететь на одном крыле.
Погибаю, горю от зноя.
Мне не справиться с той бедой.
Кто праведником светлым Ноем
Вновь меня напоит водой?
Я не раз у Бога просила
Отпущенья моих грехов,
Но, наверное, до могилы
Он не снимет с меня оков.
И вовеки веков отныне
Роковая продлится власть.
Я наложница, я рабыня,
Ниже некуда мне упасть.

Не сожалеть о том, что было
И не загадывать вперед.
А чтобы сердце не остыло,
Всему оставить свой черед.

Уметь ценить минуты счастья
И, боль в себе не затая,
За невозможное не братьяся,
Суметь бы как-нибудь, друзья.

АДАМ И ЕВА.

Вдвоем, в раю бродили по садам,
За руки взявшись, Ева и Адам.
Их легким мановением руки
Господь изгнал из рая за грехи.
Не так и сильной их вина была.
Познали тайну лишь добра и зла.
Они наивны были и добры,
Но в миг единый сделались мудры.
В сердцах у них огнем зажглась любовь
И первой ночи их связала кровь.
Прогнал их Бог, такие вот дела.
Но их Земля с любовью приняла.
Они учились здесь и жить и жать,
Пахать, и строить, и детей рожать.
Несладкой после рая жизнь была,
Но все же их любовь уберегла.
Как ни крути, но косвенно иль прямо,
Мы тоже дети Евы и Адама.
Столетия пролетели с той поры,
Но также мы наивны и добры.
Как и они, когда приходит время,
Запретный плод берем в садах Эдема.
И снова познаем добро и зло.
И любим так же чисто и светло.
И все готовы так же за любовь
На муки ада и изгнание вновь.

МЫСЛИ ВСЛУХ.

Как жить сумеет светло, красиво,
Неся свой груз ?
Упорно, молча, терпеливо
До смертных уз.
А чтобы сердце не страдало,
Щадило нас -
Брать на себя не много - мало,
А в самый раз.

Уж лучше умереть, не зная ни о чем,
Чем дружбу завести с лекарством и врачом.

СКАЗКА О ПЕЩЕРНЫХ ЛЮДЯХ.

Расскажу-ка я вам сказочку, ребята.
Были предки наши дикими когда-то.
Страшноватые собой, мохноликие,
Да к тому ж еще, совсем «безъязыкие».
Вот идет один их них на охоту,
Чтоб на ужин изловить бегемота.
Всей семье его давно кушать хочется,
Детки бедные от голода корчатся.
А жена его, тигрицею дикою,
Так на мужа и шипит, так рыкает.
Слушать это все мужчине приятно ли ?
Каменьюку он берет, да рогатину,
Да дубину огромную, длинную -
Был наш предок очень сильным мужчиною.
И, собравши все свое снаряжение,
Он выходит на большое сражение.
Вот приходит наш охотник к болоту,
Где, как правило, живут бегемоты.
Я не буду говорить про баталию,
Расскажу о том, что было с ним далее.
Победил наш предок зверя громадного,
Но бегемота еще вытащить надобно.
Ведь болото очень штука опасная
И добычу засосет, это ясно всем.
А одному, хоть как силен, а не справиться.
За подмогою придется отправиться.
И бежит мужик в пещеру соседнюю,
И врывается, как буря, в переднюю.
На полу у них костер еле теплится,
Под ногами детки малые вертятся.
По пещере всюду кости разбросаны,
Все объедены давно и обсосаны.
Тож семья у них от голода мается -

Потерялась у хозяина палица,
Да намедни обломилась рогатина,
А другая, вот пока что, не найдена.
Стал охотник наш показывать жестами,
Мол пойдем, сосед, со мной, дело есть к тебе
Не поймет сосед никак, хоть пытается -
Всей извилиной своей напрягается.
Ох, извелся наш охотник стараючись,
Так и этак показать исхитряючись.

Ну а времечко летит, и болотина
Вмиг на дно уволокет бегемотину.
Вот на шкуры сел охотник в отчаяньи
И потухший уголек взял нечаянно.
На полу провел он черточку черную
И подпрыгнул, как ужаленный пчелами
И рукой своей мохнатой, с деталями
На стене изобразил всю баталию:
Про себя и про того бегемота,
Что на дно утащит скоро болото.
Все мгновенно стало ясно соседу,
Побежал он за охотником следом
И вдвоем, почти без всяких усилий,
Бегемота на плечах притащили.
Из пещер своих огонь прихватили,
И огромный костер распалили.
Жены тоже их пещер повылазили,
Хоть до этого друг с другом не ладили.
Ребятишкам страсть, как лопать охота...
Стали жарить все того бегемота.
И наелись две семьи до отвала
А вражды с тех пор у них не бывало.
Но зато пошли меж них «разговоры»
Извели угля - ну целые горы.
Ребятишки все измазаны сажей,
Целый день рисуют и мажут.
В голове у них, от этих усилий,
Стало больше появляться извилин.
Ка известно всем, такие процессы
Неизменно приближают к прогрессу.

Эти предки наши, самые дальние,
Нам оставили рисунки наскальные.
Ну, а если к ним сейчас приглядеться,
Можно видеть человечества детство.
Мы ведь тоже в раннем детстве, в начале
Не писать, а рисовать начинали.

НЕОЖИДАННЫЙ ПРАЗДНИК.

Сельский дом, большой и светлый.
Возле дома тополь, кедры,
Куст боярки, куст рябины -
Всем известная картина.
В огороде снег в колено
На крыльце лежат поленья.

В доме тихо, а когда-то
Жили шумные ребята.
А теперь осталась мать
Одиноко доживать.
Утро серое в окошко
Зацарапалось, как кошка:
-Эй, старушка, хватит спать,
День настал, пора вставать.
Встала. Печку затопила.
Что-то сердце защемило -
Вот таблетку под язык,
Посидела только миг.
Да и снова за дела:
Возле печки подмела,
Чай поставила согреть,
Надо с полка пыль стереть,
Потрясти половики,
Да за молоком пойти.
Чай согрелся. Попила
Да и снова за дела:
Вот тропинку размела,
На крылечке прибрала.
Словно дел невпроворот

У нее на целый год.
А кто захочет услышать:
Когда будет отдыхать ?
У нее один ответ:
Как отправлюсь на тот свет.
Две сороки прилетели,
На заборе посидели.
Толь к каким-то новостям,
Толь к непрошеным гостям.
Вот и печку протопила.
Загребла золу, закрыла.
Только села у стола,
Прессу свежую взяла,
Да прочла один листок -
На крылечке топоток.
В дом заходят друг за другом
Задюшевные подруги.
Не одна, а целых пять.
Стану всех перечислять:
Константиновна - Мальвина,
Да Петровна - эта Нина,
Александровна -то - Валя,
Алексеевна - та Анна,
Даниловна - Александра,
А сама - то Павловна,
Валентиной названа
И еще один "сюрприз" -
Витя - местный баянист.
- Не посетуй Павловна,
Что пришли негаданно.
- Ой, подруги, дорогие,
Заходите вы, родные !
И целуются, обнимаются,
Будто год уже не встречаются
Вмиг нашлись вино и водка,
Пироги, грибы, селедка,
Да тарелка холодца,
Два соленых огурца,
И хрустящая капуста -

На столе закусок густо!
Рюмки, вилки и тарелки -
Начались посиделки.
Дружно выпили старушки,
Стали, словно молодушки.
Раскраснелись, расшумелись,
И куда года -то делись ?
- Ну, Даниловна, давай,
Про субботу запевай.
Уговаривать не надо
Запеваешь тут же кряду:
- Дело было во субботу,
Дело было во субботу.
Пошли девки на работу
По дороге припотели,
Исккупаться захотели
Тут подкрался к ним Митрашка,
Украл белую рубашку... -
Песня длинная, чудная.
Без конца, считай без края
И поется в сотый раз.
А смешно до слез из глаз.
Баянист не отстаёт.
Тоже жару поддает.
Заиграл он плясовую,
Нашу русскую, родную.
Где ж старушкам утерпеть -
За столом не усидеть.
Прибаутки, да частушки
Так сыплют друг за дружкой:

1. "Снежки пали, снежки пали.
Пали, да растаяли.
Всех подружек замуж взяли,
А меня оставили.
2. Про миленочка сказали,
Что он водочку не пьет.
Насмотрелась в воскресенье -
Распьянехонький идет.

3. Я сидела на бревне,
Старичок подсел ко мне.
Меня мама батогом:
Не сиди со стариком.” -
Это Павловна с Петровой
Пол выстукивают дробно.
Уморились - наплясались.
Поостыли, отдышались.
Чуть смочили рот винцом,
Закусили холодцом.
- Ну-ка, Витя, ты давай
Нам любимую сыграй.
Там, где просит мать: сынок,
Подари ты мне платок,
Черный, с розами кругом,
Чтобы помнилось о нем.
Песня тихая звучит,
И о сыне мать грустит.
Слезы льются, как поток,
На плечах ее платок.
Сын давно спокойно спит,
Мать ничем не огорчит.
- Хватит, хватит, баянист.
На закуски навались
- Константиновна, удружи,
Анекдот нам расскажи.
- Расскажу вам случай редкий
Об одной своей соседке.
Как ходила раз она
К гинекологу одна.
Век жила, да поживала,
Про врачей таких не знала.
У соседки этой вот,
Зачесался не живот.
А с чего начать рассказ,
Коль болит совсем не глаз?
Научил старуху дедка
Назвать “жопиной соседкой”
Врач над бабкой хохотал,

Пока с “соседкой” хлопотал
И сказал: “У вас грибок,
Полечится надо срок”.
Вот старушка шла, вздыхала,
Да у дома вдруг упала
И забыла в этот миг,
Что в нее грибок проник.
Деду сразу, сгоряча
Рассказала про “жучка”.
Дед расстроился невмочь.
Видно бабке не помочь.
Жучок расправился с избой
Занялся бабкиной п-ой.

Над соленным анекдотом
Все смеются до икоты.
- Ой, Мальвина, ой артистка.
Что рассказ - то анекдот.
Не пускает скуку близко
И смешить не устает
Тут и Витя перебором
Плясовую заиграл.
Вновь старушек раззадорил
И попеть черед настал.

1. “Поплясала бы я, девушки,
Играет нелюбой.
Возьми, дроля мой, тальяночку
Сыграй на перебой.
2. У миленочка избеночка,
Избеночка не дом,
Кабы я была не дурочка,
Не думала об нем.
3. Хорошо смотреть на зорьку,
Когда солнышко встает.
Милый любит и жалеет,
Только замуж не берет.
4. Много звездочек на небе,
Месяца светлее нет.
Много девушек на свете,

Анненских милее нет.”
- Ну-ка, девки, посидите -
Встала Александровна -
Ты цыганочку-то, Витя,
Поиграл бы для меня.
И пошел мотив старинный
Понемногу нарастать.
Начинает Валентина
В одиночку танцевать.
Чуть притопнет -
Круг пройдетя,
Все, как будто, не спеша.
На подружек обернется -
Наблюдают, не дыша.
Вот опять пройдетя тихо,
Только поведет плечом.
Вдруг, как молодая, лихо
Враз притопнет каблучком
Павой проплывет по кругу...
Ох, цыганочка - душа.
Улыбаются подруги -
Больно пляска хороша.
Закруглилась, поклонилась,
Пляске той пришел конец.
А подруги восхитились:
- Валентина, молодец !
Не успели оглянуться -
Не один прошел часок.
По домам пора вернуться
- Наливай на посошок !
Сколь еще не спели песен,
Допоем теперь когда ?
Лишь бы нам держаться вместе
Чтоб боялась нас беда.
Проводила на крылечко,
В дом вернулась, не спеша.
В чугушке воды из печки
Зачерпнула два ковша.
Перемыла всю посуду

И легла в свою кровать,
Посвежевшая, как будто,
В этот день немного, мать.
И уснула, как-то разом,
Лишь к подушке головой.
И приснился ей, что рядом
Саша, муж ее живой.
Не зовет ее, не манит.
Говорит: "Живи еще.
Дом храни. Я в нем, как память.
До сих пор живу душой.
И когда приходят гости,
Веселятся и поют,
Знай, я тоже на погосте,
Ощущаю ваш уют."

Вы живите мамы наши,
Чтобы тепел был очаг
Чтобы дом был полной чашей -
Пусть подольше будет так.
Пусть нам дом родимый снится
Путеводною звездой,
Чтоб весной мы, словно птицы,
В дом слетались, как в гнездо.

Янв.-начало февр. 2000г.

25-00

Отпечатано в компании "РИК", тел. 505-44,
г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Мира, 29, оф. 124.
Тираж - 50 экз.